

**ИРОНИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДУХОВЕНСТВА В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ  
«ПРАВЕДНИКИ» Н. С. ЛЕСКОВА**  
**IRONY IN THE DEPICTION OF THE CLERGY IN THE CYCLE OF  
STORIES “THE RIGHTEOUS” BY N. S. LESKOV**

**Аннотация:** В статье рассматривается художественный прием иронии, используемый Лесковым в рассказах цикла «Праведники» как одна из форм изображения духовенства. Исследование предполагает определение конкретных методов создания образов священнослужителей в ироническом контексте и функции использования данного приема в рассматриваемых произведениях.

**Ключевые слова:** ирония; Н. С. Лесков; праведники; праведничество; духовенство в русской литературе; образ священнослужителя; герой в рясе.

**Abstract:** The article examines the literary device of irony used by Leskov in the stories of the “Righteous” cycle as one of the ways to depict the clergy. The study aims to identify specific methods of creating images of clergymen within an ironic context and to analyze the function of this device in the works under consideration.

**Keywords:** irony; N. S. Leskov; Righteous; righteousness; clergy in Russian literature; image of a clergyman; hero in a cassock.

Ироничное повествование со времен античности представлялось в литературе как особый способ передачи личного мировосприятия автора в стремлении преодолеть искажения блага, заложенного в человеке или деятельности, которую человек осуществляет. Причем искажения «благого мира» писатель подчеркивает двойным смыслом изображаемого, «где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония» [8, с. 316].

В эпоху реализма ирония зачастую приобретала характер, близкий к сатире [8, с. 935]. М. М. Бахтин дает такое определение сатире как жанру литературы. «Сатира есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя – в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности – и положительный момент утверждения лучшей действительности» [8, с. 938].

Вероятно, вопрос о слиянии сатиры и иронии справедлив и для произведений Лескова, сочетающего в своих произведениях добродетели и пороки в одних исторических реалиях, в одних локациях, в одних социально-сословных положениях, в одних лицах. Зная целенаправленный характер произведений писателя, можно смело утверждать, что Лесков не только подчеркивает свое

неприятие конкретной действительности, но и практически всегда предлагает читателю нечто большее, ту самую лучшую действительность, которая реализуется в образах иных героев Лескова.

Отчетливым примером такого авторского почерка является цикл рассказов «Праведники», где главный герой «со своей правдой» противопоставляется лесковскому вещному миру, обязательным атрибутом которого выступает священнослужитель, как правило, облеченный властными полномочиями и олицетворяющий собой образ не только представителя духовного сословия, но и чиновничьего сообщества, столь неприятного для идеального мира Лескова. «Свойственные дарованию Лескова черты зоркой иронии, а подчас и острого сарказма, не раз обращали его к разоблачению темных явлений современности... Начав с осмеяния нигилистов и с апологии духовенства и господствующей власти, Лесков под конец жизни обращался к ироническим зарисовкам высших представителей церкви и бюрократии» [1, с. 928]. При этом для Лескова сам образ праведника являет собой «сочетание “земного” и идеального – тот принцип, который ляжет в основу поэтики образов лесковских праведников» [9, с. 137].

Нельзя сказать, что формы изображения и сами герои в рясах имеют какой-то однотипный характер. В рассматриваемом сборнике рассказов представлены различные типы священнослужителей, такие как Филарет Дроздов, митрополит Московский, Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и известный церковный писатель, пользовавшийся покровительством императора Николая I, благородные отцы-протопопы, такие как отец Петр из Несмертельного Голована, и в то же время представители духовенства, не отличающиеся ни благородством души, ни праведностью жизни, ни желанием хоть сколько-то внутренне соответствовать своему внешнему образу, как например, пропитанный духом чиновничества и официоза безымянный протопоп, представленный Лесковым в «Однодуме» или «очень добрый и вполне неверующий монах» [7, с. 399] в Шерамуре.

«Истинное христианство и официальная церковь клириков – понятия для Лескова не тождественные. Христианское миропонимание для Н. С. Лескова составляет прежде всего урок сугубо практической нравственности: проповедь непритязательно простых и обыденных дел» [11, с. 146–147]. Отчетливо это видно читателю при сопоставлении главного героя Однодума Рыжова и уже упоминавшегося нами безымянного протопопа, уполномоченного «разузнать, нет ли в бескасательном Рыжове какого неправославия» [5, с. 12].

При всей объективности протопопа, ему все же свойственны некоторые поступки, характеризующие его как антипод праведника Рыжова, что прежде всего видится в сцене встречи костромского губернатора Сергея Степановича Ланского в Солигаличском соборе [5, с. 27–28]. Однако ирония Лескова заключается в выводе, сделанном протопопом относительно мировоззрения Рыжова: «Библии начитался... начитался от скуки и позабыть не может» [5, с. 15]. Тот, чья миссия состояла в постоянной проповеди Священного писания, призывах к регулярному чтению этой книги, выставляет в качестве изъяна, неизлечимой болезни факт чтения Библии, а подспудно автор позволяет читателю предпо-

жить, что сам отец протопоп, будучи человеком трезвомыслящим, Библию, очевидно, не открывал, а если и делал это, то уж явно не «до Христа дочитался» [5, с. 15]. Более того, протопоп, воспринимаемый солигаличцами как «зрелый в суждение», предлагает именно те советы, которые, с одной стороны должны разрушить нравственную природу Рыжова, а с другой – не разрешают, а напротив, умножают трудности чиновников в отношении образа жизни Однодума.

В качестве примера лесковской иронии заслуживает внимания история об орловском архиерее Никодиме, рассказанная автором в «Несмертельном Головане». Само представление этого иерарха уже несет в себе скрытую иронию писателя: «Архиерей Никодим был злой человек, отличавшийся к концу своей земной карьеры...» [4, с. 109]. И далее Лесков говорит о том, что данный епископ был настолько негоден, что по народным представлениям его предшественник, епископ Аполлос, погребенный в одном с ним склепе, не мог выдерживать такого соседства, и ночами стонал: «Возьмите вон отсюда это падлю, душно мне с ним» [4, с. 110], а угодившие из архиерейской немилости в рекруты поповские дети, слезно поют строевую песню: «Архиерей наш Никодим, Архилютый крокодил» [4, с. 110].

Одновременно трагичной и комичной выглядит встреча Ивана Флягина и «двух мулл», которые «от белого царя охранный лист имеют и далеко идут свою веру уставлять» [6, с. 267]. Сама попытка выдать русского православного Флягина за успешный плод своей миссионерской деятельности и дальнейшее обращение необразованным, простым, с нетрадиционными представлениями о вере Иваном Северьяновичем татар в православие [3, с. 131] иронично подчеркивает безжизненность миссионерских проектов того времени. Но смерть одного из тех горе-миссионеров, несмотря на отсутствие сострадания автора, все же выглядит трагично. Но, как и в случае с Однодумом, священнослужитель здесь выступает как противоположность главному герою-праведнику. При этом не стоит оставлять без внимания и тот факт, что сам Иван Северьянович Флягин справедливо может считаться героем в рясе, хотя представляется в произведении в ином образе. «В конце очерка Флягин все-таки оказывается в монастыре, куда приходит осознанно. Трудясь и молясь в яме, он читает газеты (современное положение дел) и житие Тихона Задонского (религиозное, сакральное)» [10, с. 318].

Итак, основной причиной использования иронии в отношении духовенства для Лескова является намерение подчеркнуть достоинства настоящих праведников, не облеченных ни саном, ни монашеским облачением. При этом нельзя сказать, что писатель противопоставляет какие-то сословные общества или миры и священнослужителей, поскольку вместе с сатирическим обличением пороков людей в рясе, Лесков использует и другие образы, полные достоинства и уважения, как например Игнатий Брянчанинов в «Инженерах-бессребренниках» [2, с. 61].

Формы выражения иронии, как правило, сводятся к использованию оксюморона в таких сочетаниях как «неверующий монах», «архиерей-карьерист» и т. д., рассказу о необычных ситуациях, в которые попадают герои в рясах, а также поступкам или поведению героев в определенных ситуациях.

Несмотря на неоднозначное отношение к лесковской иронии в литературоведении, стоит сказать, что исследование методов изображения духовенства, а также фабульной и идейной значимости данных героев для произведений Лескова имеет немаловажное значение в изучении творческого наследия писателя.

### **Библиографический список**

1. Гроссман, Л. П. Пушкин. Достоевский. Лесков. Полное издание в одном томе / Л. П. Гроссман – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 990 с.
2. Данилова, Н. Ю. Праведничество как «внутреннее христианство» в произведениях Н. С. Лескова / Н. Ю. Данилова // Русская классика между Востоком и Западом: религиозно-философские смыслы : коллективная монография. – СПб., 2018. – С. 59–71.
3. Дыханова, Б. С. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова / Б. С. Дыханова – М. : Художественная литература, 1980 – 174 с.
4. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. Несмертельный Голован / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1989. – 416 с.
5. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. Однодум / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1989. – 416 с.
6. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. Очарованный странник / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1989. – 416 с.
7. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. Шерамур / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1989. – 416 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2001. – 779 с.
9. Поздина, И. В. Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1960-х годов : монография / И. В. Поздина. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2011 – 198 с.
10. Поздина, И. В. Художественные функции «пуанта» в рассказах Н. С. Лескова / И. В. Поздина, А. С. Семина // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 317–320.
11. Худякова, Е. В. Лесковская концепция праведничества и традиции старчества / Е. В. Худякова // Ярославский педагогический вестник. – 2003 – № 2 (35). – С. 145–151.